

КЕРСТИН ГИР

ТАЙМЛЕС

ИЗУМРУДНАЯ КНИГА

МОСКВА
2020

УДК 087.5
ББК 84(4Гем)445
Г51

*Издание
исправленное*

Перевод с немецкого
Светланы Вольштейн

Гир Керстин

Г51 Таймлесс*. Изумрудная книга / Керстин Гир, пер. с нем.
С. Вольштейн. – М. : ООО «Издательство Робинс», 2020. – 432 с.

ISBN 978-5-4366-0178-6

Что делать, если твоё сердце разбито, а чувства растоптаны? Часами болтать по телефону с лучшей подругой? Есть шоколад и валяться в кровати, обливаясь слезами? Как жаль, что у Гвендолин совершенно нет на это времени. А всё потому, что на семнадцатом году жизни у неё совершенно случайно обнаружился ген путешественника во времени. Голова идёт кругом: хронограф, Круг Крови, Круг Двенадцати, все эти балы, суаре, схватки и путешествия по тёмным лабиринтам прошлого, а теперь ещё кто-то за ней охотится, и единственное, о чём ей действительно стоит думать, так это о том, как выжить! Все нити ведут в прошлое, к таинственному графу Сен-Жермену, который задумал опасную игру, чтобы заполучить источник вечной жизни. А тут разбитое сердце!

Гидеон, кто же ты – друг или враг? Что значат твои признания в любви – это шутка, разыгранный как по нотам план графа или всё же настоящее чувство? Гвендолин помогут разгадать все тайны её верные друзья.

Добро пожаловать в мир путешественников во времени!

Приключения начинаются!

**УДК 087.5
ББК 84(4Гем)445**

Original title: Smaragdgrün
© 2010 by Arena Verlag GmbH, Würzburg, Germany
www.arena-verlag.de
© ООО «Издательство Робинс»,
издание на русском языке, 2016

ISBN 978-5-4366-0178-6

---

* Timeless (англ.) – «вневременный», «вечный» (прим. ред.).

*Для марципановых девочек всего мира.
(Для всех-всех марципановых девочек.
Не важно, четырнадцать им лет
или сорок один год, ведь чувствуют они себя
абсолютно одинаково.)*

*Надежда – штука с перьями –
В душе моей поёт,
Без слов одну мелодию
Твердить не устаёт...*

Эмили Дикинсон
(пер. Б. Львова)

Пролог

Белгравия, Лондон

3 июля 1912 года

— **Н**а этом месте останется довольно уродливый шрам, — заметил доктор, не поднимая головы.

Пол криво усмехнулся:

— Как бы там ни было, лучше шрам, чем ампутация, которую напророчила мне мисс Пугливица.

— Очень смешно! — хмыкнула Люси. — Никакая я не Пугливица, это всё ты господин... Непростительно Легкомысленный, хватит шутить! Ты сам не хуже меня знаешь, как легко инфекция попадает в такие раны, а потом — вообще чудо, если останешься в живых в этом-то времени — никаких тебе антибиотиков, а доктора все сплошные невежды!

— Спасибо за комплимент, — отозвался доктор, нанося ещё какую-то коричневатую мазь на только что зашитую рану.

Пекла эта мазь невыносимо, Пол еле-еле подавил гримасу боли. Он надеялся лишь, что на роскошной кушетке леди Тилни не осталось пятен.

— Вы тут ни при чём. — Пол заметил, что Люси изо всех сил старалась быть приветливой, даже изобразила что-то вроде улыбки. Улыбка получилась довольно мрачной, но главное ведь — это попытка, в такой ситуации зачитывается даже она. — Я уверена: вы стараетесь работать как можно лучше.

— Доктор Гаррисон — он не только работает как можно лучше, он просто лучший, — уверила леди Тилни.

– И единственный... – пробормотал Пол.

Он почувствовал вдруг невероятную усталость. В сладковатом напитке, который Пол выпил по настоянию доктора, наверняка было снотворное.

– Прежде всего, самый молчаливый, – добавил доктор Гаррисон. На руку Пола легла белоснежная повязка. – И, честно говоря, мне слабо верится, что через восемьдесят лет изобретут какой-нибудь новый способ лечения таких вот ножевых ранений.

Люси глубоко вздохнула, и Пол уже представил себе, что за этим последует. Из её высоко подобранной причёски выбился локон, и она лихо заправила его за ухо.

– Ну, в сущности, не то чтобы, но если бактерии... это единственные организмы, которые...

– Люси, перестань! – прервал её Пол. – Уж доктор Гаррисон точно знает, что такое бактерии!

Рана всё ещё ужасно пекла, к тому же он чувствовал себя таким разбитым и уставшим, что ему хотелось лишь одного – закрыть глаза и ненадолго вздремнуть. Но его замечание распалило Люси ещё больше. И хотя её глаза неистово сверкали, в них на самом деле таились лишь забота и – даже хуже – страх, это он знал точно. Ради Люси он изо всех сил старался не выдать, насколько непослушным стало его тело и как он растерян. Поэтому Пол продолжал настаивать:

– Мы же не в Средневековье, а в двадцатом веке, веке потрясающих открытий. Кардиограмма – это уже вчерашний день, несколько лет уже известен возбудитель сифилиса и даже методы его лечения.

– Кажется, кто-то хорошо готовился к урокам тайноведения. – У Люси был такой вид, будто она вот-вот взорвётся. – Как мило, однако!

– А ещё в прошлом году Мария Кюри получила Нобелевскую премию по химии, – подсыпал перцу доктор Гаррисон.

– И что же они ещё не успели изобрести? Атомную бомбу?

– Иногда я просто удивляюсь твоей необразованности. Мария Кюри открыла радиоактив...

– Да заткнись уже! – Люси скрестила руки на груди и гневно уставилась на Пола. Осуждающего взгляда леди Тилни она не заметила. – Знаешь что, оставь-ка при себе эти заумные доклады! Ты! Ведь! Мог! Погибнуть! Ты мне можешь объяснить, как бы я справилась без тебя с таким несчастьем? – Тут голос её сорвался. – И как бы я вообще жила без тебя?

– Мне больно это слышать, принцесса.

Она не могла даже представить, насколько ему действительно было больно в эту минуту.

– Ну да!.. – выдохнула Люси. – Только не надо смотреть на меня таким вот взглядом преданной собаки.

– Размышлять о том, чего не случилось, совершенно излишне, дитя моё, – покачивая головой, заметила леди Тилни, пока доктор Гаррисон собирал инструменты обратно в саквояж. – Всё закончилось хорошо. Пол – настоящий везунчик.

– Ему повезло лишь потому, что всё могло закончиться ещё хуже, но это вовсе не означает, что всё замечательно! – закричала Люси. – Ничего не получилось, ровным счётом ничего! – Глаза её наполнились слезами, сердце Пола чуть не разорвалось. – Мы здесь уже три месяца и ещё ничего не добились, ничего из того, что планировали, даже наоборот – мы всё только ухудшили! Наконец-то в наших руках оказались эти проклятые документы, а Пол просто отдал их!

– Да, это было, наверное, немного поспешным решением. – Он опустил голову на подушку. – Но в тот момент у меня появилось чувство, что я совершаю правильный поступок. – А всё потому, что Пол почувствовал тогда дыхание смерти: она была где-то совсем близко. Ещё чуть-

чуть – и лорд Алестер отправил бы его на тот свет одним взмахом шпаги. Но Люси он этого никогда не расскажет.

– Если бы Гидеон был на нашей стороне, у нас был бы шанс. Как только он прочтёт документы, ему станет ясно, о чём речь. Я надеюсь.

– Но мы же сами не до конца понимаем, что там, в этих записях! Может, они зашифрованы или... Ах, разве ты вообще знаешь, что ты тогда передал Гидеону, – сказала Люси. – Лорд Алестер мог всучить тебе что угодно: старые счета, любовные письма, пустые листы...

Полу и самому давно уже пришла в голову эта мысль, но что случилось, то случилось.

– Иногда нужно всё-таки доверять окружающим тебя людям, – пробормотал он.

В тот момент Полу хотелось лишь одного – чтобы это высказывание можно было применить и к нему самому. Мало того, что лорд, возможно, передал Гидеону поддельные документы, – этот парень вполне мог бы отнести их напрямик графу Сен-Жермену. Это значило бы свести на нет единственную их победу. Но Гидеон сказал тогда, что любит Гвендолин, и его голос был каким-то... убедительным, что ли.

«Он обещал мне», – хотел сказать Пол, но с его губ сорвался лишь невнятный шёпот. К тому же это неправда, ведь ответ Гидеона он уже не успел услышать.

– Какая глупая идея – сотрудничать с Флорентийским альянсом, – сквозь пелену до него донеслись слова Люси. Веки его опустились. Что бы там ни подсыпал ему доктор Гаррисон, действовало это средство на удивление быстро.

– Знаю, да-да, я знаю, – продолжала Люси, – это была моя глупая идея. Мы должны были взяться за дело самостоятельно.

– Но вы же не убийцы, дитя моё, – сказала леди Тилни.

– С точки зрения морали, какая, собственно, разница, убил ли ты кого-то сам или дал указание кому-нибудь

другому сделать это за тебя? – Люси тяжело вздохнула. Несмотря на то что леди Тилни довольно энергично возражала ей («Девочка моя! Не говори такого! Вы не давали никакого указания об убийстве, а просто передали некую информацию!»), Люси вдруг совсем разуверилась в собственной правоте.

– Мы действительно сделали всё не так, Пол, мы испортили всё, что только можно было испортить. За три месяца мы промотали время и деньги, которые получили от леди Маргарет. Более того, мы втянули в это дело слишком многих невинных людей.

– Это были деньги лорда Тилни, – исправила её леди Тилни. – Ты бы очень удивилась, узнав, на что он привык тратить свои капиталы. Скачки, танцовщицы – и это самое безобидное. Он и не заметил, что я взяла у него некоторую сумму для нашего предприятия. А если что-то и заметил, то, как настоящий джентльмен, он тактично промолчал.

– Лично мне было бы обидно, если бы я не оказался втянутым в эту историю, – заверил с усмешкой доктор Гаррисон. – Только я почувствовал, что моя жизнь становится какой-то скучной, – и вот на тебе! Не каждый день встречаешь путешественников во времени, которые прибыли из будущего и осведомлены обо всём гораздо лучше твоего. Да, и между нами: стиль руководства госпожи де Виллера и его слежка за всем и вся так и подстрекают к тайному бунту.

– Так и есть, – согласилась леди Тилни. – Этот самолюблённый Джонатан угрожал своей жене, что запрет её дома, если она и дальше будет поддерживать суффражисток. – Она продекламировала, передразнивая угрюмый мужской голос: – *Что же дальше? Может, дадим право голоса собакам?*

– Ну да, именно поэтому вы грозились влечь ему оплеуху, – сказал доктор Гаррисон. – Это, кстати, случи-

лось на одной из немногих чайных вечеринок, которые чуть не вогнали меня в смертельную скуку.

– Но дело ведь было совсем не так. Я всего лишь заметила, что не ручаюсь за действия своей правой руки, если он не прекратит свои неквалифицированные высказывания.

– *Если он не перестанет молоть чепуху* – так вы выразились, если быть точным, – исправил её доктор Гаррисон. – Я хорошо запомнил эту фразу: очень уж она меня впечатлила.

Леди Тилни засмеялась и подала ему руку:

– Я провожу вас, доктор Гаррисон.

Пол попробовал открыть глаза и сесть, чтобы поблагодарить врача. Но ни то ни другое ему не удалось.

– Ммф...сс...сибо, – пробормотал он из последних сил.

– Что за гадость вы ему подмешали? – крикнула Люси вслед доктору Гаррисону.

– Всего лишь несколько капель морфия. Вполне безобидно!

Возмущённого крика Люси Пол уже не услышал.

Хроники хранителей

30 марта 1916 года

*Пароль дня: «Potius sero quam nunquam»
(Лучше поздно, чем никогда. Тим Ливий)*

Согласно сведениям наших тайных информаторов в течение нескольких дней следует ждать нового нападения немецких воздушных сил на Лондон, поэтому мы решили ввести протокол безопасности первого уровня. Хронограф на неопределённое время будет перенесён в документарий, а леди Тилни, мой брат и я будем элапсировать оттуда, чтобы тратить на это не более трёх часов в день. Путешествия в XIX век в этой комнате для нас неопасны, в ночное время там почти никого не бывает, в хрониках того времени ни разу не упоминается посещение из будущего, поэтому можно предположить, что никто ни разу не заметил нашего присутствия.

Как и ожидалось, леди Тилни отказалась изменять устоявшимся привычкам и после короткой перепалки «не смогла найти ни малейшей логики» в наших аргументах, но в конце концов ей пришлось подчиниться решению нашего магистра.

В условиях военного положения иногда следует действовать решительно.

Сегодняшняя элапсация в 1851 год прошла в неожиданно дружеской атмосфере, может быть, потому, что моя заботливая сунруга угостила нас своим ни с чем не сравнимым пирогом и мы не затрагивали острые темы, например, право голоса для женщин, помня жаркие споры, в которые перетекали прошлые беседы. Леди Тилни сожалела, что мы не можем пойти на Всемирную выставку в Гайд-парк, но тут мы были с ней полностью солидарны, поэтому разговор продолжался в мирном тоне. Затем леди Тилни предложила нам провести время до завтрашнего дня за покером, тем самым снова выдав свой эксцентричный характер. Сегодняшняя погода: лёгкий морозящий дождь, весенняя прохлада, 16 градусов тепла.

Отчёт Тимоти де Виллера, Внутренний Круг

Глава первая

Остриё меча было направлено прямо мне в сердце. Глаза убийцы казались двумя чёрными дырами, которые вот-вот поглотят всё, что находится вблизи. В моей голове осталась лишь одна мысль: мне не выбраться.

Я неуклюже попятилась назад.

Мужчина последовал за мной.

«Я сотру с лица земли всё, что не угодно Господу! Скоро земля отведаёт твоей крови!»

На эти пафосные заявления у меня нашлось возражение (Земле? Отведать моей крови? ЭЙ! ВЫ ЧЕГО? Это ведь пол, покрытый плиткой!), но мне было так страшно, что я не проронила ни звука. К тому же по его виду было понятно, что он явно не оценит в данной ситуации моё чувство юмора.

Я увернулась, сделала ещё шаг назад и упёрлась спиной в холодную стену. Мой противник громко рассмеялся. Ну ладно, может, и у него есть чувство юмора, просто оно чуть отличается от моего.

«Умри же, демон!» – вскричал он и без дальнейших колебаний вонзил меч прямо мне в грудь...

Я вскочила в холодном поту, проснувшись от собственного крика. Сердце моё болело так сильно, будто его действительно пронзили остриём меча. Что за кошмарный сон! Но стоит ли удивляться?

События вчерашнего дня (а также и позавчерашнего) не совсем располагали к тому, чтобы уютно свернуться под одеялом и спать себе сном праведника. В моей голове роились неожиданные мысли, разрастаясь, словно плото-

ядные цветы. Гидеон просто притворялся. На самом деле он меня не любит.

«Он даже пальцем не успеет пошевелить, как женские сердца сами упадут к его ногам». – В моей голове снова и снова звучал мягкий и глубокий голос графа Сен-Жермена. А также: *«Самая лёгкая на свете задача – это предугадать реакцию влюблённой женщины».*

Интересно, как обычно реагирует влюблённая женщина, когда узнаёт, что ей врал и ею манипулировали?

Правильный ответ: она созванивается со своей лучшей подругой и несколько часов подряд изливает ей душу. А потом, сидя в темноте и силясь заснуть, задаёт себе один и тот же вопрос: что она вообще нашла в этом придурке? При этом она ревёт до изнеможения. – Действительно, предугадать несложно.

Светящиеся цифры будильника у моей кровати показывали 3.10, значит, я всё-таки задремала и проспала больше двух часов. Кто-то, наверное мама, зашёл ко мне и укрыл меня одеялом. Ещё помню, как, подтянув колени к подбородку, я устроилась на кровати, прислушиваясь к учащённому биению собственного сердца.

Очень странно, что разбитое сердце продолжало биться.

«Кажется, будто оно состоит из красных кровотокающих осколков, рассекающих меня изнутри, заставляющих меня истекать кровью!» – так я попыталась описать Лесли своё состояние. (Да, вполне может быть, что эти слова звучат несколько напыщенно, прямо как фразы того типа из моего сна, но иногда правда оказывается именно такой... пошловатой.)

На что Лесли сочувствующе заметила:

– Я очень хорошо знаю, как ты себя чувствуешь. Когда Макс меня бросил, сначала мне казалось, я вот-вот умру от любви и страданий. Что у меня просто откажут все органы сразу. Ведь не зря же говорят, что «любовь про-

ходит сквозь почки, ударяет по желудку, разбивает сердце, сдавливает грудь и... э-э-э... впивается в сердце...» Но во-первых, это проходит, во-вторых, положение твоё не настолько безнадежно, как тебе кажется, а в-третьих, твоё сердце отнюдь не стеклянное.

– Вот-вот, оно каменное, а не стеклянное, – вставила я, всхлипнув. – Моё сердце – это драгоценный камень, а Гидеон разбил его на тысячу осколков, прямо как в видении бабушки Мэдди.

– Картинка очень эффектная, ничего не скажешь, но – нет! На самом деле сердца сделаны совсем из другого материала. Можешь уж мне поверить. – Лесли откашлялась и торжественным тоном, будто посвящая меня в заповедную тайну мировой истории, произнесла: – Этот материал достаточно жёсткий, он не бьётся и легко восстанавливается. Производится по тайному рецепту, который используют также для изготовления... – Лесли откашлялась ещё раз, чтобы усилить напряжение.

Я невольно замерла.

– ...*Марципанов!* – завершила Лесли.

– Марципанов? – На миг я перестала всхлипывать и не смогла сдержать улыбку.

– Именно так, марципанов! – повторила Лесли с убийственной серьёзностью в голосе. – Настоящих, хорошего качества, с высоким содержанием миндаля.

Ещё немного – и я бы захихикала. Но вдруг мне снова вспомнилось, что я самая несчастная девочка на всём белом свете, и я пробурчала в ответ:

– Если это действительно так, тогда Гидеон *откусил* часть моего сердца! Да ещё и ободрал со всех сторон шоколадную оболочку. Ты бы видела, *как* он смотрел, когда... – Не дав мне снова пуститься в те же горестные рассуждения, Лесли громко вздохнула.

– Гвенни, мне не хотелось этого говорить, но знай: твоё нытьё ничем помочь не сможет. Прекрати сейчас же!

– Я же не нарочно, – заверила я её. – Оно само, всё ноет и ноет. Я была самой счастливой девочкой на свете, и уже через минуту он говорит мне, что...

– О'кей, Гидеон повёл себя как настоящий подлец! – яростно перебила меня Лесли. – Даже если мы и не знаем причины. То есть как так? Почему это влюблённую девочку легче победить? Как по мне, всё устроено ровным счётом наоборот. Влюблённые девочки – это бомбы с часовым механизмом. Никогда нельзя знать наверняка, что она выкинет в следующую минуту. Гидеон и его дружок-женоненавистник граф Сен-Жермен очень сильно просчитались.

– Я-то думала, что он меня по-настоящему любит. Но он просто притворялся, а ведь это так...

Подло? Жестоко? Ни одно слово, казалось, не может в полной мере отразить все мои чувства.

– Ах, моя дорогая! При других обстоятельствах сиди и ной сколько влезет. Но сейчас ты просто не можешь себе этого позволить. У тебя есть важные задачи, для решения которых понадобится немало энергии. Одна из таких задач – выжить. – Голос Лесли казался необычно серьёзным. – Так что сделай одолжение: возьми себя в руки!

– Химериус мне это уже говорил сегодня. До того как удрал, оставив меня совсем одну.

– Этот маленький невидимый монстр абсолютно прав! Мы должны сохранять свежую голову и сопоставить все факты. Фу-у, что это? погоди, я открою окно, Берти снова устроил нам газовую атаку... Вот несносная собака! Так на чём я остановилась? Да, точно, мы должны понять, *что* твой дедушка спрятал в вашем доме. – Голос Лесли немного дрогнул. – Рафаэль оказался, откровенно говоря, очень даже полезным. Может, не такой уж он и идиот, каким кажется.

– Ты имеешь в виду, каким он тебе кажется. – Рафаэль был младшим братом Гидеона. Недавно он перешёл в нашу школу. Именно он догадался, что в загадке, которую оставил мой дедушка, идёт речь о географических координатах. Как раз в этих координатах располагается наш дом. – Как бы мне хотелось знать, насколько Рафаэль в курсе тайных знаний хранителей и путешествий во времени, которые совершает Гидеон.

– Возможно, он знает гораздо больше, чем может показаться, – сказала Лесли. – По крайней мере, он не пытался дознаться, что к чему в моей истории, несмотря на то что мистические триллеры последнее время пользуются в Лондоне бешеной популярностью. Достаточно разумное решение с его стороны – не задавать лишних вопросов. – Тут она на секунду запнулась. – А ещё у него такие красивые глаза.

– Это точно.

Его глаза были действительно прекрасными, такими же, как у Гидеона, – зелёными, глубокими, в обрамлении густых тёмных ресниц.

– Не то чтобы меня это задело, просто констатирую факт...

«Я в тебя влюблён!» – сказал Гидеон. Вид у него был при этом совершенно серьёзным, он смотрел мне прямо в глаза.

Я тоже не могла отвести от него взгляд и верила каждому его слову!

Слёзы снова покатались по моим щекам, я уже не могла сосредоточиться на том, что говорила Лесли.

– Но я надеялась, что послание окажется каким-нибудь длинным письмом или, например, дневником, который бы объяснил нам всё, что все они от тебя скрывают, а может, и ещё чуть-чуть. Тогда нам не пришлось бы метаться в догадках – мы смогли бы составить настоящий план действий...

Такие глаза нужно запретить. Или хотя бы издать закон, предписывающий парням с такими прекрасными глазами носить солнечные очки. Кроме разве что тех, кого для равновесия природа наделила огромными ушами или чем-нибудь подобным...

– Гвенни? Ты что, опять ревёшь? – Интонация Лесли была точь-в-точь как у миссис Каунтер, нашей учительницы географии, когда она отчитывала ученика, забывшего домашнее задание. – Милая моя! Пора бы тебе прекратить снова и снова над собой издеваться и беречь незажившие раны. Нам нужно...

– Начать думать беспристрастно! Ты права.

Мне пришлось сделать над собой недюжинное усилие, я постаралась вытеснить из своих мыслей прекрасные глаза Гидеона и придать своему голосу немного больше уверенности. Надо же было отблагодарить Лесли хоть чем-то. В конце концов, именно она поддерживала меня в эти сложные дни, не требуя никаких объяснений и не придумывая никаких отговорок. Прежде чем ей это надоест, надо успеть сказать, как я рада, что она у меня есть. (Ну и что из того, если я снова немножко поплачу, на этот раз от умиления.)

– А я люблю тебя ещё сильнее! – заверила меня Лесли. – Какой скучной была бы моя жизнь, не будь в ней тебя.

Когда мы распрощались и пообещали друг дружке начать ложиться спать, на часах было почти двенадцать. На несколько минут я действительно почувствовала себя лучше, но сейчас, в десять минут четвёртого, мне так хотелось позвонить ей снова и ещё раз завести свою грустную песню сначала.

По своей природе я вовсе не была плаксой, но сейчас страдала от любви, впервые в жизни. По-настоящему страдала.

Все остальные проблемы отодвинулись на второй план. Даже выживание казалось мне делом второстепенным.

И если уж совсем начистоту, думать о смерти было даже немножко приятно.

Я ведь буду не первой, кого любовь довела до трагического конца. И компания у меня не самая захудалая: Русалочка, Джульетта, Покахонтас, дама с камелиями, мадам Баттерфляй – а теперь к ним присоединюсь и я, Гвендолин Шеферд. Было бы неплохо, однако, отказаться от рокового удара кинжалом в сердце. Я чувствовала себя такой разбитой, что вполне могла бы умереть от чахотки, а это гораздо возвышенней и романтичней. Бледная и прекрасная, как Белоснежка, я буду лежать на кровати, волосы красиво струятся по подушке. Гидеон встанет предо мной на колени и предастся горьким стенаниям: что же он наделал! Ах, если бы он только прислушался к моим последним словам...

Но сначала мне срочно надо заскочить в туалет.

Мятный чай с большим количеством сахара и лимоном считался в нашей семье чем-то вроде панацеи против страданий, а я выпила целый чайник этого напитка. Ведь только я вошла в дом, как мама сразу заметила, что со мной что-то не так. В этом не было ничего удивительного, потому что от постоянных слёз мои глаза стали красными, как у кролика-альбиноса. Вряд ли она поверила бы истории, которую Химериус придумал для меня в качестве отговорки, будто по пути из замка хранителей домой прямо в лимузине меня заставили резать лук.

– Они обидели тебя, эти проклятые хранители? Что случилось? – спросила она. На этих словах мои воображаемые страхи испарились. Вид у мамы был жалостливым и одновременно яростным. – Я убью Фалька, если только...

– Никто мне ничего не сделал, мам, – поспешно заверила её я. – И ничего не случилось.

– Так она тебе и поверила! Ты почему не рассказала про лук? Никогда ты меня не слушаешь! – Химериус вце-

пились коготками в половицу. Он – это маленькая фигурка, некогда украшавшая сточный жёлоб. У Химериуса были большие уши, крылья летучей мыши, длинный чешуйчатый драконий хвостик, а на кошачьей голове красовались два маленьких рога. К сожалению, вид у него был куда более милый, чем его суждения, но никто, кроме меня, Химериуса не видел и не слышал, поэтому приструнить его тоже было некому.

С раннего детства я могла видеть демонов и привидения, а также разговаривать с ними, но всегда считала это лишь странной особенностью, с которой мне приходилось мириться. Но потом появилась ещё одна – куда более странная. Две недели назад я узнала, что отношусь к тайному (!) Кругу Двенадцати путешественников во времени, и теперь каждый день мне придётся пару часов проводить где-нибудь в прошлом. Вообще-то это проклятие, то есть, извините, этот дар путешественника во времени должна была унаследовать моя кузина Шарлотта, она бы подошла на эту роль куда лучше моего, но выяснилось, что отдуваться за наше поколение придётся мне. На самом деле, мне стоило догадаться об этом заранее – я всегда была очень невезучей. На Рождество, например, когда в классе все пишут на клочке бумаги своё имя, переворачивают и вытягивают листик с именем того, кому ты готовишь рождественский подарок, мне всегда выпадало имя учительницы (ну что, скажите на милость, можно подарить учительнице?). Если у меня были билеты на концерт, я обязательно заболела (это я частенько практиковала и во время каникул), а если мне во что бы то ни стало надо было выглядеть хорошо, то на лбу появлялся предательский прыщ, большой, словно третий глаз.

Сначала может показаться странным, как я посмела сравнивать путешествия во времени с каким-то там прыщом, кто-то может даже позавидовать или решить, что блуждать во времени очень весело, но в действительности

сти это не так. Прыжки в прошлое – дело очень тяжёлое, нервное и даже опасное. Да, не стоит забывать и вот о чём: не унаследуй я этот идиотский дар, никогда бы мне не пришлось встретить Гидеона, а значит, моё сердце, не важно, из чего оно там сделано, пусть даже из марципана, было бы до сих пор целым. Гидеон, этот паршивец, тоже был одним из Двенадцати путешественников во времени. Один из немногих, живущих в наши дни. Остальных можно было встретить в прошлом.

– Ты плакала, – резонно заметила мама.

– Вот видишь! – выкрикнул Химериус. – Сейчас она тебя раскусит, как орешек, – и бай-бай, больше не выпустит из-под надзора ни на секунду. Что тогда получится из нашего ночного плана по поиску кладов? Ничегошеньки!

Я скорчила ему рожу, давая понять, что сегодня ночью мне точно не будет дела ни до каких кладов. Именно так следует поступать с невидимыми друзьями, если не хочешь, чтобы тебя приняли за сумасшедшего и решили, что ты разговариваешь с пустым местом.

– Срочно ври, что ты решила проверить, как действует твой газовый баллончик, и случайно пшикнула себе в глаза, – прокаркало пустое место.

Но я слишком вымоталась и устала, чтобы врать более-менее правдоподобно. Я подняла на маму свои заплаканные глаза и просто попробовала сказать ей правду, делая паузы и набираясь смелости.

– Мне... мне так плохо... просто потому что... все девочки иногда страдают... Понимаешь?

– Ах, солнышко моё...

– Но когда я созваниваюсь с Лесли, мне сразу становится лучше.

К нашему с Химериусом удивлению, маму это объяснение вполне удовлетворило. Она заварила мне чаю и поставила на ночной столик чайник, а рядом с ним – мою любимую чашку в горошек. Затем она погладила

меня по голове и закрыла за собой дверь. Даже традиционных замечаний вроде «Гвен! Уже начало одиннадцатого, ты болтаешь по телефону уже сорок минут! Вы же утром только виделись в школе!» мне сегодня не досталось. Иногда она действительно умела быть лучшей мамой на свете.

Со вздохом я свесила ноги с кровати, спрыгнула и потопала в туалет. Почувствовав лёгкое дуновение, обернулась.

– Химериус? Ты тут? – спросила я вполголоса и попыталась нащупать выключатель.

– Это уж как посмотреть, – отозвался Химериус, раскачиваясь вниз головой на коридорной лампе. Он зажмурился от неожиданного света. – Только если ты снова не надумаешь превратиться в маленький комнатный фонтан!

Пискавым и плаксивым, но, увы, очень похожим на мой голосом он, передразнивая, завыл:

– *А потом он сказал, что я вообще не соображаю, что говорю, а потом я говорю: «Да или нет?», – а потом он говорит: «Да, но только перестань плакать...»*

Химериус театрально вздохнул.

– Из всех видов людей девчонки – самый утомительный. Хуже могут быть только бухгалтеры на пенсии, продавщицы колготок и председатели садовых товариществ.

– Ничего не могу обещать, – сказала я шёпотом, чтобы не разбудить никого из домочадцев. – Давай-ка лучше не будем вспоминать сам знаешь о ком, а не то фонтан может снова заработать.

– Я всё равно уже слышать не мог этого имени. Давай, что ли, займёмся наконец чем-нибудь полезным? Например, поищем клад?

Поспать было бы сейчас куда полезней, но я, к сожалению, чувствовала, что заснуть у меня уж точно не получится.

– Как по мне, можем начинать поиски. Но сначала пойду-ка я избавлюсь от лишнего чая.

– Чего?

Я указала на двери туалета.

– Ах вот как, – сказал Химериус. – Я пока что побуду здесь.

Моё отражение в зеркале над умывальником оказалось куда более симпатичным, чем я ожидала.

Никаких признаков чахотки, к сожалению, не было и в помине. Лишь веки немного припухли, как будто я нанесла на них слишком много теней.

– Где ты вообще пропадал-то всё это время, Химериус? – спросила я, вернувшись из туалета. – Случайно, не у?..

– Не у кого? – Химериус скорчил возмущённую рожу. – Не думаешь ли ты, что я был у того, чьё имя мы решили не называть?

– Вообще-то да... – Мне бы так хотелось знать, как Гидеон провёл этот вечер. Заживает ли рана на его руке? И говорил ли он с кем-нибудь обо мне? Может, он сказал что-то вроде: *«Всё это было одним большим недоразумением. Я конечно же люблю Гвендолин. И никогда перед ней не притворялся»*.

– Ну уж нет, на это я бы не пошёл. – Химериус расправил крылья и, вспорхнув, приземлился на пол. Он еле доставал мне до колена. – Но я вовсе не улетал. Я как следует осмотрел дом. Если кто-то и может найти этот клад, так только я. Во-первых, потому что никто из вас не умеет проходить сквозь стены. А ещё вы не можете безнаказанно рыться в шкафчиках бабушкиного комода, как могу это делать я.

– Должны же быть хоть какие-то преимущества, если ты невидимка, – сказала я, решив при этом не упоминать, что Химериус, будучи духом, не смог бы выдвинуть даже самый маленький ящичек своими привиденческими

когтями. Ни один из духов, с которыми мне довелось познакомиться, не умел передвигать предметы. Большинство из них даже на маленький сквознячок не были способны.

– Но ты ведь уже в курсе, что мы ищем вовсе не клад, а просто какое-то напутствие моего дедушки, которое должно нам помочь в дальнейшем расследовании?

– Дом битком набит разным кладоподобным хламом. Я уже молчу о всевозможных тайниках и укрытиях, – невозмутимо продолжал Химернус. – Некоторые стены на втором этаже состоят из двух слоёв, а между этими слоями находятся тайные ходы. Они явно не рассчитаны на толстопопых искателей приключений: слишком уж узкие.

– Правда, что ли? – Об этих ходах я до настоящего момента даже не догадывалась. – А как туда попасть?

– В большинстве комнат двери внутрь стен просто замаскированы обоями, но открытые ходы всё ещё сохранились в шкафу твоей двоюродной бабушки, а также за этим неуклюжим буфетом в столовой. А ещё в библиотеке – классический трюк – дверь спрятана за одним из стеллажей. От библиотеки, кстати, расходятся два потайных хода: один заканчивается прямо перед дверью мистера Бернхарда, а второй – на третьем этаже.

– Вот каким образом мистер Бернхард умудряется неожиданно возникать из ниоткуда, – пробормотала я.

– Это ещё не всё: в большой каминной трубе, которая прикреплена к стене дома номер восемьдесят три, есть лестница, по которой можно выбраться на крышу. Из кухни в эту трубу уже не попадёшь, потому что камин заложили кирпичом, но в стенном шкафу, который стоит в конце коридора, есть отверстие, достаточно большое, чтобы в него смог пролезть, например, Санта-Клаус. Или ваш жутковатый дворецкий.

– Или трубочист.

– А теперь поговорим о подвале! – Химериус сделал вид, будто не заметил моих слов. – Интересно, знают ли ваши соседи, что тайный ход ведёт прямёхонько к их дому? Но пауки там будь здоров – тому, кто их боится, лучше туда не соваться.

– Давай тогда сначала лучше поищем в каком-нибудь другом месте, – поспешно сказала я, даже забыв, что надо говорить шёпотом.

– Если бы мы знали, *что* именно ищем, было бы, естественно, гораздо проще. – Химериус почесал задней лапкой подбородок. – В принципе это может быть что угодно: чучело крокодила в чулане, бутылка виски, спрятанная за книгами в библиотеке, связка писем в тайном отделении секретера твоей двоюродной бабушки, ящик, который стоит в одном из ходов в стене...

– Ящик внутри стены? – перебила его я. – А что там ещё? Флигель?

Химериус кивнул.

– Ой, кажется, ты разбудила брата.

Я обернулась. В проходе своей комнаты стоял мой двенадцатилетний брат Ник, обе его руки были запущены в рыжие спутанные волосы.

– С кем это ты там разговариваешь, Гвенни?

– Ник, сейчас ночь, – прошептала я, – возвращайся в постель.

Ник нерешительно смотрел на меня, и я чувствовала, как он просыпается с каждой секундой.

– Что ты там говорила про ящик внутри стены?

– Я... хотела его поискать, но, наверное, подожду, пока рассветёт.

– Чушь! – сказал Химериус. – В темноте я вижу так же хорошо, как... скажем, как сова. Кроме того, как же мы будем обыскивать дом, когда все проснутся. Ты же не хочешь, чтобы все они путались у тебя под ногами.

– У меня есть фонарик, – сказал Ник. – А что это за ящик такой?

– Точно не знаю. – Я на секунду задумалась. – Возможно, его оставил дедушка.

– Ого-о... – заинтересованно протянул Ник. – И где же примерно спрятан этот ящик?

Я вопросительно посмотрела на Химериуса.

– Я видел его сбоку в тайном ходе, который начинается за толстым всадником с бакенбардами, – ответил Химериус. – Но кто же будет прятать секретные материалы... ну или клад в какой-то скучной коробке? Крокодил, как по мне, гораздо лучше подходит на роль тайника. Кто знает, чем он там набит? Предлагаю его вспороть.

Мы с крокодилом как-то раз уже встречались, поэтому мне не очень хотелось продолжать это знакомство.

– Сначала мы заглянем в этот ящик. Ход в стене – это уже интересно.

– Скукота-а-а-а! – прокудахтал Химериус. – Может, старик просто прятал там табачок от своей жёнушки или... – В голову ему пришло что-то весёлое, потому что Химериус вдруг совсем оживился и заулыбался: – Или труп нерадивой служанки!

– Ящик стоит внутри тайного хода, который начинается от портрета прапрапрадедушки Хью, – объяснила я Нику. – Но...

– Я только сгоняю за фонариком! – Братишка уже развернулся и скрылся в комнате.

Я вздохнула.

– Ну и что ты опять вздыхаешь? – Химериус скорчил рожу. – Что плохого, если Ник пойдёт с нами? – Он расправил крылья. – Я быстро облечу дом, погляжу, спят ли остальные глубоким и спокойным сном. Мы же не хотим спалиться на глазах твоей любопытной тётки как раз в тот момент, когда будем доставать дедушкины алмазы.

– Какие ещё алмазы?

– Думай о хорошем! – крикнул Химериус, улетая. – Что бы тебе хотелось найти? Алмазы или кости нерадивой гувернантки? Главное – настроиться на правильный лад. Встречаемся перед толстым дядюшкой на кляче.

– Ты что, разговариваешь с привидением? – Ник снова появился за моей спиной – он потушил свет в коридоре, а вместо него включил свой фонарик.

Я кивнула. Ник ни разу не усомнился в том, что я могу видеть духов и привидений, даже наоборот. Ещё когда ему было четыре года (мне – восемь), он изо всех сил защищал меня, если кто-то не верил моим рассказам, как, например, тётя Гленда. Каждый раз мы ссорились, когда приходили в универмаг *Harrods* и, переступая порог, я здоровалась с милым мистером Гриззлом в красивой униформе. Мистер Гриззл на то время уже пятьдесят лет как был мёртв, поэтому никто не понимал, почему я останавливалась перед входом и начинала вещать о монаршей семье (мистер Гриззл был ярким почитателем королевы) или о засушливом июне (погода была второй любимой темой мистера Гриззла).

Одни смеялись, другим детское воображение казалось «божественным» (в большинстве случаев они подтверждали это высказывание, поглаживая меня по голове), третьи молча качали головой, но никто так сильно не злился, как моя тётя Гленда. Она краснела, тихо ругалась и продолжала тащить меня внутрь; если я упиралась, она указывала на Шарлотту и требовала брать пример с неё (Шарлотта, кстати, уже тогда была такой идеальной, что даже шпилька никогда не выпадала из её волос). Но самой большой подлостью с её стороны было то, что тётя грозила лишить меня десерта. Иногда она действительно приводила свои угрозы в действие (а я любила все десерты без исключения, даже сливовый компот), но я просто не могла себе позволить молча пройти мимо мистера Гриззла. Каждый раз Ник старался мне хоть чем-нибудь

помочь, он умолял тётю Гленду оставить меня в покое, ведь у бедного мистера Гриззла нет больше ни одной живой души, с которой он мог бы поболтать, но каждый раз тётя Гленда умело парировала его замечания. Приторным голосом она говорила что-то вроде: «Ах, малыш Ник, когда же ты наконец поймёшь, что твоя сестра просто хочет хоть как-то выделиться? Никаких привидений не существует! Или, может, ты тоже видишь кого-нибудь из них?»

Тогда Ник понуру качал головой, а тётя Гленда победно хохотала. В тот день, после которого она решила больше никогда не брать нас с собой в универмаг, Ник вдруг изменил свою тактику. Этот малыш с пухлыми щёчками (ах, каким же он был славным ребёнком. Так мило картавил!) вдруг встал прямо напротив тёти Гленды и закричал: «А знаешь, что мне только что сказал мистер Гриззл, тётя Гленда? Он сказал, что ты злая и сурашная ведьма!» Мистер Гриззл такого, естественно, никогда не говорил (для этого он был чересчур вежливым, а тётя Гленда — слишком хорошей покупательницей), но вечером перед нашим походом мама пробормотала что-то вроде этого. Тётя Гленда крепко сжала губы и гордо прошествовала мимо нас, держа за руку Шарлотту. Дома затем разгорелся нешуточный скандал (мама обижалась, что нам с Ником пришлось самим искать дорогу домой, а тётя Гленда сразу раскусила, что страшной, то есть «сурашной», как выразился Ник, ведьмой обозвать её могла только сестра). Всё закончилось тем, что тётя Гленда перестала брать нас с собой. А словом «сурашная» мы частенько пользуемся и по сей день.

Когда я стала постарше, то перестала рассказывать всем подряд, что умею видеть вещи, которые скрыты от остальных.

Это самая умная тактика, если не хочешь, чтобы тебя приняли за сумасшедшую. Только от брата и сестры,

а ещё от Лесли я никогда не скрывала своих умений: эти люди верили мне всегда. Маму и бабушку Мэдди иногда было сложно понять, но, во всяком случае, они никогда не выставляли меня на посмешище. Бабушка Мэдди и на собственном опыте прекрасно знала, каково это, когда тебе никто не верит, потому что время от времени у неё случались престранные видения.

– Оно симпатичное? – прошептал Ник. Луч света, исходящий от его фонарика, дрожал и перепрыгивал по ступенькам.

– Кто?

– Привидение.

– Сойдёт, – пробормотала я, не отклоняясь от правды.

– А как оно выглядит?

– Довольно мило. Но оно думает, что вид у него ужасно опасный.

Пока мы на цыпочках пробирались на третий этаж, где жили тётя Гленда и Шарлотта, я как могла попыталась описать брату Химериуса.

– Ух ты! – прошептал Ник. – Невидимый домашний питомец! Вот это тебе повезло!

– Питомец! Только не вздумай назвать так Химериуса, когда он вернётся.

Проскальзывая мимо комнаты моей кухни, я так надеялась услышать, как та храпит во весь голос. Но, конечно же, не уловила ни звука. Идеальные девочки не издают во время сна никаких некрасивых звуков. Сурашно.

Мы спустились ещё на пол-этажа вниз, и тут Ник принялся широко зевать. Меня обуяло чувство вины.

– Послушай, Ник, сейчас полчетвёртого утра, тебе скоро идти в школу. Мама меня укокошит, если разузнает, что я мешаю тебе нормально высыпаться.

– Но я совсем не хочу спать! А ты, если вдруг решишь продолжить без меня, это будет просто подло с твоей стороны! Что же дедушка там спрятал?

– Понятия не имею! Может, книгу, в которой он всё объясняет. Или хотя бы письмо. Дедушка был магистром логи хранителей. Он прекрасно знал всё обо мне и об этой канители с прыжками во времени. К тому же он точно знал, что вовсе не Шарлотта унаследовала этот ген. Потому что я встретила его самого в прошлом и рассказала ему об этом.

– Вот и хорошо сделала, – прошептал Ник и почти пристыжённо добавил: – Честно говоря, я почти его забыл. Помню только, что он всегда был в хорошем настроении и никогда не сердился на нас, в отличие от леди Аристы. А пахло от него всегда карамелью и какими-то смешными пряностями.

– Это из-за табака, он курил трубку. Осторожно!

Я успела удержать Ника, прежде чем он наступил на следующую половицу. Мы миновали третий этаж, но, чтобы добраться до второго, нам надо было преодолеть парочку гнусных ступенек, которые страшно скрипели. Многолетняя практика проскальзывания ночью в кухню за сладостями должна была хоть чему-то меня научить. Мы обошли опасные места и добрались наконец до портрета прапрадедушки Хью.

– Ну что ж, попробуем!

Ник осветил фонариком лицо нашего предка.

– Как всё-таки некрасиво с его стороны было обозвать лошадь Толстухой Энни! Лошадь-то как раз стройна как берёзка, а вот сам он похож на откормленного поросёнка с бородой!

– Да, мне тоже так кажется. – Я нащупала за холстом ручку, которая приводила в действие механизм потайной двери. Он, как всегда, немного заедал.

– Все спят как младенцы. – Химериус приземлился на ступеньку около нас. – Все, кроме мистера Бернхарда. У него, очевидно, бессонница. Но не волнуйся: этот нам не помешает. Я застукал его в кухне, он там подъедает хо-

лодные куриные колбаски и смотрит фильм с Клинтом Иствудом.

– Вот и хорошо.

С привычным скрежетом картина подалась вперёд, и перед нами открылся вход – пара ступенек между стенами, которые вели к следующей двери. Через неё можно было попасть в ванную на втором этаже, с другой стороны она была замаскирована зеркалом высотой в человеческий рост. Раньше мы часто бегали туда, нам нравилось шекотать себе нервы, ведь никогда нельзя было знать наверняка – вдруг в ванной кто-нибудь моется. Но настоящее применение этого тайного хода так и осталось для нас загадкой.

Может, кто-то из наших предков просто любил вдруг без предупреждения пропадать и появляться в другом месте.

– Так где же стоит этот ящик, Химериус? – спросила я.

– Слева. Мешду штенами.

Я не могла точно рассмотреть в полутьме, что там делает Химериус, но казалось, будто он пытается что-то выплюнуть.

– Химериус – такое имя и не сразу выговоришь, – бурчал Ник. – Я бы называл его Хемик. Или Мерик. Можно я принесу этот ящик?

– Он стоит слева, – сказала я.

– *Хемик* или *Мерик* – не дожжётесь! Да я нашледник шлавного рода могущештвенных демонов. Наши имена...

– Скажи, ты что там жуёшь?

Химериус что-то выплюнул и причмокнул.

– Уже ничего. Полакомился тут одним голубком, который заснул на крыше. Перья, будь они неладны!

– Но ты ведь не умеешь есть!

– Кое-кто вообще ничего не знает, но так и лезет вставить свои пять копеек, – обиженно пробубнил Химериус. – И даже маленького голубочка мне не простит.

– Ты не можешь съесть никакого голубочка, – повторила я. – Ты – привидение.

– Я *демон*! И могу пожирать всё, что только захочу! Однажды я проглотил целого священника вместе с сунтаной и стоячим воротничком. Ты что так недоверчиво смотришь?

– Следи лучше, чтобы никто нас не застукал.

– Эй! Ты что, не веришь мне?

Ник тем временем спустился вниз и осветил проём стены своим фонариком:

– Ничего я тут не вижу.

– Так ведь ящик-то за кирпичами. В потайной комнате. Ты тупица, – сказал Химериус. – И я не вру! Если говорю, что съел голубя, значит, съел! И всё тут!

– Он в комнате за кирпичами, – просветила я Ника.

– Но мне не кажется, что я смогу отодвинуть хоть какой-то из этих камней. – Мой младший братишка встал на колени и для пробы нажал на стену в некоторых местах.

– Э-э-эй! Я с тобой разговариваю! – сказал Химериус. – Ты что, решила меня не замечать, а, плакса-вакса?

Я ничего не ответила, и тогда он закричал:

– Ладно-ладно! Это был *привиденческий голубь*! Но он ведь тоже считается.

– Привиденческий голубь! Ой, насмешил! Если бы даже существовало какое-нибудь там привидение в виде голубя, ты бы всё равно не смог его съесть. Духи не могут убивать друг друга.

– Они сидят как влитые, все эти кирпичи, сдвинуть их невозможно, – отчитался Ник.

Химериус рассерженно фыркнул.

– Так, во-первых, даже голуби иногда решают остаться на земле после своей смерти, кто их знает зачем. Может, не свели счёты с какой-нибудь там кошкой. Во-вторых, объясни мне, будь добра, как ты собираешься отличить привиденческого голубя от любого другого? И в-третьих,

их привиденческой жизни конец, когда они попадают ко мне в пасть, потому что (не знаю, сколько раз можно тебе повторять) я *демон*! В вашем мире со мной не слишком-то считаются, но в мире привидений я довольно большая шишка. И когда ты наконец это поймёшь?

Ник снова стал перед стеной и пару раз ударил по ней ногой.

– Нет, ничего не получится.

– Ш-ш-ш! Перестань – это слишком громко.

Я высунула голову из прохода и с укором посмотрела на Химериуса.

– Ну, шишка, что скажешь?

– О чём? Заметь, ни о каких кирпичачах, которые можно было бы сдвинуть, я не упоминал.

– И как же нам туда добраться?

– С помощью молотка и зубила, – последовал ответ.

Но дал его вовсе не Химериус, а мистер Бернхард. Я замерла от страха. Он стоял всего в каком-то метре от меня. В полутьме я видела, как сверкала золотая оправа его совиных очков. И его зубы. Может, он улыбался?

– Вот чёрт! – Химериус от волнения сплюнул струйку воды прямо на перила. – Он что, проглотил все сосиски одним махом? Или, может, фильм попался нукудышный? На Клинта Иствуда больше никакой надежды.

К сожалению, я не смогла ответить ничего вразумительного и лишь тихо пробормотала:

– Что-что?

– Молоток и зубило могли бы очень пригодиться, – невозмутимо повторил мистер Бернхард. – Но я предлагаю вам отложить сие предприятие. Не стоит лишать сна остальных домочадцев. Быть может, стоит достать сундук из укрытия в более благоприятное для этого время. Ах, вот и господин Ник. – Он, не моргая, глядел прямо на свет фонарика. – Босиком! Да вы же простудитесь! – Сам он был в тапочках и элегантном халате с вышитой мо-

нограммой «ВБ». (Вальтер? Вилли? Вайдженд? Для меня мистер Бернхард всегда был человеком без имени.)

– Откуда вам известно, что мы ищем именно ящик? – спросил Ник. Голос его звучал довольно бойко, но в его широко открытых глазах читались такой же страх и такое же смущение, которые ощущала и я.

Мистер Бернхард поправил очки.

– Ну, предположительно, потому что этот, как вы выразились, *ящик* я замуровал туда собственными руками. Речь идёт о резном, инкрустированном драгоценными камнями сундуке, это антиквариат начала восемнадцатого века, который принадлежал вашему деду.

– А что внутри? – спросила я, когда ко мне снова вернулся голос.

Мистер Бернхард с упрёком посмотрел на меня.

– Само собой разумеется, я не посмел задать подобный вопрос. Я всего лишь спрятал здесь этот сундук по приказу вашего деда.

– Да прям там. Так я ему и поверил, – мрачно прокомментировал Химериус. – Этот-то суёт свой любопытный нос куда попало. И крадётся тихо как мышь, расправившись в укромном местечке со всеми куриными колбасками. Это всё из-за тебя, недоверчивая брызгалка слезами! Если бы ты не пыталась постоянно вывести меня на чистую воду, он бы не застал нас так неожиданно, этот старикан.

– Разумеется, я с радостью помогу вам достать этот сундук, – продолжал мистер Бернхард. – В нашем распоряжении сегодняшний вечер, когда ваши бабушка и тётя отправятся на встречу дам Ротари-клуба. В связи с чем я предложил бы вам вернуться в постель, ведь скоро утро, а затем вам предстоит ещё провести целый день в школе.

– Ага, как бы не так. Только мы уйдём, как он достанет из стены эту штуковину, и дело с концом, – сказал Химериус. – Приберёт к рукам все алмазы, а для нас положит

в ящик парочку гнилых орехов. Знаем мы таких помощников!

– Чепуха! – пробормотала я. – Если бы мистер Бернхард хотел поступить именно так, он давно бы уже это сделал, ведь никто, кроме него, об этом ящике не догадывался. Что же это может быть, что наш дедушка мог замуровать в собственном доме?

– Почему вы хотите нам помочь? – спросил Ник.

Этот вопрос вертелся и в моей голове, но Ник неожиданно опередил меня.

– Потому что я отлично умею обращаться с молотком и зубилом, – сказал мистер Бернхард. Понизив голос, он добавил: – Потому что ваш дед, к превеликому сожалению, не может быть с нами, чтобы посодействовать мисс Гвендолин.

Мне снова показалось, что мою шею сдавили жгутами. Я чувствовала, что вот-вот расплачусь.

– Спасибо, – кивнула я.

– Не стоит радоваться прежде времени. Ключ от сундука... утерян. Не знаю, поднимется ли у меня рука на то, чтобы пойти с ломом на это произведение искусства... – Мистер Бернхард вздохнул.

– То есть вы ничего не скажете нашей маме и леди Аристе? – спросил Ник.

– Ни единого слова, если вы сейчас же отправитесь спать.

Передо мной в полутьме снова блеснули его зубы, затем он развернулся и зашагал вверх по лестнице.

– Спокойной ночи. Попробуйте всё-таки хоть ненадолго заснуть.

– Спокойной ночи, мистер Бернхард, – пробормотал Ник.

– Старый хрыч, – каркнул Химериус, – я за тобой слежу теперь во все глаза, так и знай!